

**ФОРМАТ ПОСТМОДЕРНА:
РОССИЙСКАЯ СПЕЦИФИКАЦИЯ**

Е. В. Пилюгина

Московский педагогический государственный университет

Поступила в редакцию 2 августа 2015 г.

Аннотация: *в статье анализируются тенденция расширения пространства постмодерна, адекватность различных исторических методологий в качестве инструментов исследования процесса актуализации постмодерновой реальности, спецификации постмодерна в конкретных обществах. Исследуется постмодерность российского общества; выявляется специфика российского варианта постмодерна как фрагментированной реальности, подразумевающей наложение постмодернистской по характеру политики на преимущественно индустриальную экономику, диссонансы постмодерна-модерна в социальной и духовной сферах.*

Ключевые слова: *постмодерн, постмодернити, постмодернизм, пост-индустриальное общество, модерн, индустриальное общество, фрагментированная реальность, симулякры, сингулярность.*

Abstract: *the article analyzes the trend of expansion of the area of the postmodernity, the adequacy of different historical methodologies as tools for studying the process of actualization of the postmodern reality, postmodern specifications in certain communities. Is investigated postmodern type of Russian society; It revealed the specifics of the Russian version of the postmodernity as the fragmented reality, implying the imposition of the postmodern politics at a predominantly industrial economy, dissonances postmodern-modern in the social sphere and cultural, including, education.*

Key words: *postmodern, postmodernity, postmodernism, post-industrial society, modern, industrial society, fragmented reality, simulacrum, singularity.*

Представление о современном мире как находящемся на перепутье, в предощущении грядущих и уже происходящих масштабных социальных изменений, стало общим местом гуманитарной науки и публицистики. Чаще всего аналитики маркируют это своеобразное состояние «междувременья» «обществом постмодерна» (postmodernity). Зафиксированное в исторической науке как Новейшее наше время также обозначается обществоведами постиндустриальным, информационным обществом, постмодернистской реальностью, Новым Средневековьем, и т.д. Эти и подобные маркировки не тождественны, но синхронны по времени, позволяют акцентировать те или иные аспекты современного мира. Наиболее общим понятием можно считать дефиницию «мир постмодерна», но не в интерпретации французского философа Ж. Лиотара, обеспечившего во многом, популяризацию данного термина, а в том смысле «пост-модерна», который задал английский историк А. Тойнби [1], маркируя определенный – современный – этап исторического развития и

тип общества, пришедший на смену индустриальному обществу Нового времени. Семантически аморфный термин «постмодерн», лишь указывающий на наступающее некое «пост», но не фиксирующий его признаки, подобно «плавающему означающему» Ж. Делёза [2, с. 77], стал той принципиально неопределенной, а значит, емкой вербальной формой, которая способна вместить какое угодно содержание. Иные обозначения и характеристики вкладываются в эту вербальную форму, насыщая ее; наслаиваясь друг на друга, все дефиниции вместе создают образ современной калейдоскопической реальности. Последнюю четверть XX в., особенно после выхода в 1979 г. знаменитой работы Жана Лиотара «Состояние постмодерна», и первое десятилетие нашего столетия, представители гуманитарных наук занимались прежде всего семантическими изысканиями, пытаясь о-предел-ить неопределенное изначально «пост», и, попутно, социальными исследованиями, призванными «обналичить» черты постмодерна в современном мире.

Последние годы наметилась новая тенденция: маркировка «общество постмодерна» касательно современности уже мало кем оспаривается, хотя проблема аморфности/полиморфности концепта «постмодерн» так и не разрешена; но теперь обществоведы вовлечены в процесс выявления признаков, свидетельствующих о включении конкретных обществ в пространство и «состояние постмодерна» [3–6]. Остановимся и мы на актуальной проблеме включения в постмодерновую реальность российского сообщества. Предварительно обозначим некоторые «реперные точки» исследования, семантически и логически ограничив заявленную тему.

Прежде всего, отметим, что в условиях глобализации остаться «на обочине» происходящих в мире изменений невозможно: «многоаспектная глобализация не оставляет никаких шансов какой бы то ни было стране или народу безучастно наблюдать со стороны за происходящими событиями» [7, с. 88]. Вовлечение в глобальные экономические и политические процессы стран и народов началось в Новое время, а в наше – лишь резко интенсифицировалось. Процесс модернизации шел неравномерно, охватывая последовательно, но непреклонно сначала Европу, затем ментально близкие европейскому духу страны, частично европейские общества, в том числе Россию, юго-восточные, ближневосточные государства и т.д. Также постепенно втягивает в себя страны и народы постмодернистско-постиндустриальная реальность, и правомерно утверждать, что рано или поздно специфический постмодерновый формат актуализируется во всех уголках мирового сообщества, желаем мы этого или нет.

Между тем следует отметить некоторые нюансы включения человечества в «состояние постмодерна» и осознания этого включения. Во-первых, индустриальный мир, при всех его проявлениях, в том числе отрицательных, в виде экологических проблем, насаждения чуждой для многих народов западной культуры, масштабных войн за новые рынки, воспринимался большей частью положительно. Классические атрибуты

Нового времени – индустриализация, свободный рынок и либеральная демократия – длительное время трактовались как перспективное будущее всего человечества, возможность сохранить и упрочить национальные государства в условиях жесткой конкуренции, и, даже, как собственно «цивилизованность». С постмодернистской реальностью дело обстоит иначе: изначальная трактовка постмодернизма и постмодернити была представлена в негативном ключе. Постмодернизм вообще выглядит как квинтэссенция радикально критического взгляда на окружающее и происходящее. В нем нет веры в прогресс, так характерной для эпохи модернити; да и вообще, нет никакой масштабной, скрепляющей массы, системы идей, призванной придать устойчивость социальной действительности и обеспечить психологическую устойчивость индивидов в условиях непрерывных социальных изменений; напротив, борьба со всякого рода тотальностью, в том числе идеологической (метанарративами), «разрыв шаблонов», преодоление любых границ (трансгрессия) поставлены во главу угла. Индивидуализм и одновременно массовость модернистского мировоззрения трансформируются в постмодернистскую сингулярность, когда обособленный субъект проникается иллюзией включения в социальность через разнообразные виртуальные сети; и вот в этих сетях, как в собственных сконструированных «мирках», он и существует, устанавливает или принимает установленные другими каноны, в том числе веры (в виде отдельных, слабо связанных друг с другом и с реальностью фрагментов восприятия мира и себя – мифологем, повсеместно заменяющих прежние целостные модернистские идеологии, традиционные мифологии). Так происходит партикуляризация веры, как и общества в целом. В условиях социальной трансгрессии и транспарентности актуализируется странная сетевая реальность, в которой значимы уже не сами коллективы или индивиды, не государства и этносы, а их связи, взаимодействия. Постепенно в «паутине интеракций» теряются собственно взаимодействующие субъекты или, по крайней мере, низводится их значимость – субъектность. Точнее, субъектность представляется исключительно как интерактивность: «пока мы взаимодействуем – мы существуем». Интеракция сингулярных социальных субъектов осуществляется в процессе включения в единое информационное пространство, в котором субъекты обмениваются «пакетами информации», да и сами предстают как «сгустки информации» – нарративы.

Формирование единого информационного трансгрессивного пространства – очевидная реальность и сопутствующий фактор глобализации; одновременно виртуализация и симуляция реальности посредством новейших информационных технологий, массмедиа – ключевой признак общества постмодерна. Уже это заставляет констатировать неизбежность втягивания любых социальных структур и субъектов в новую реальность. Попытки как-то контролировать или ограничивать потоки информации могут иметь лишь кратковременный эффект. В общем, все эти попытки отдают явным модернизмом, т.е., выглядят как «кувалда»

государственной власти против вездесущности идейных вирусов, стремление структурировать принципиально неструктурированную (в трактовке Делёза – ризоморфную) общность.

Ризоморфность реальности постмодерна – еще один важный фактор, побуждающий быть готовым к ее наступлению в любое время. Ризома – «корневище» с неожиданными, как и запутанными, ветвлениями может считаться наиболее имманентным новому миру образом-концептом, настоящей концептуальной находкой Жюльена Делёза [8, р. 5–27]. Утверждение ризоморфности наступающей социальной реальности заставляет признать, что старая (модернистская) схема Истории, формационная и даже цивилизационная модели, уже не действуют. Первая – потому что будущие проявления новой реальности возможны, но не детерминированы, даже не обязательно вероятностны, а сама реальность обозначается в терминологии Ж. Делёза как «хаотичная», т.е. такая, в которой действует правила Большой Игры, а не объективные законы материальной жизни.

Цивилизационная модель истории также не может быть взята сегодня на вооружение, так как в глобализирующемся мире границы между цивилизациями (государствами, культурами) стираются. Возможно, это и не приведет к возникновению единой цивилизации в обозримом будущем, на что указывает обострение в современности локальных конфликтов. Однако при ближайшем рассмотрении все эти конфликты выглядят уже не противостояниями между государствами и нациями, как в индустриальном мире, даже не этническими или религиозными конфликтами, как могло бы показаться на первый взгляд (это убеждение легко развеивается при упоминании, скажем, тех европейцев и россиян, которые отправляются сражаться на стороне «Исламского государства»). В качестве полноценных участников конфликтов выступают сегодня симулякры, о которых так много писал в свое время Жюльен Бодрийяр: симулякры наций и этносов, цивилизаций (например, весьма условный «Запад», или «американская нация», или даже культивирующийся сегодня в российской политике мем «русский мир», который не следует путать с реальной исторической общностью, актуальной примерно в период XVI–XIX вв.). По Бодрийяру, «симуляция – порождение моделей реального без оригинала и реальности – гиперреального» [9, с. 2]. Симулякры не взаимодействуют друг с другом, представляя собой «параллельные» виртуальные реальности. В цивилизационных же концепциях (О. Шпенглера, Н. Данилевского, А. Тойнби) реальность подразумевалась одна, различалось лишь ее культурное восприятие; отсюда, самостное развитие цивилизаций вовсе не исключало, а даже подразумевало их взаимодействие.

В ризоморфной социальной реальности, несмотря на общее «корневище», взаимодействие, да и просто соприкосновение ветвлений не обязательно и даже нежелательно. Наиболее адекватны в качестве методологий постижения такой социальной реальности концепции современного естествознания: синергетическая теория и набирающая популярность

«теория суперструн», безусловно, с оглядкой на специфику социальной среды. В социальном аспекте в качестве таких «суперструн», непрерывно меняющихся очертания, как и параметры измерения, в результате взаимодействия с социальной «мембраной» – конкретной средой могут выступать любые социальные субъекты, точнее, их культивируемые образы.

Ризоморфный характер постмодерновой социальной действительности позволяет сделать предположение о том, что ни линейная, ни какая иная последовательность в ней не действуют или может действовать одновременно множество переплетающихся последовательностей; какие-то через некоторое время угасают, какие-то развиваются и доминируют, причем прогнозировать, какие последовательности – ветвления реальности – окажутся перспективными, едва ли возможно. А это значит, что родившийся, как и общество модерна, в Западной Европе постмодерновый мир со всеми его атрибутами в виде радикализации плюрализма, стирания любых границ, в том числе между истиной и ложью, реальностью и ирреальностью, симуляции реальности, в том числе экономической (постиндустриализация – перенесение акцента с производственной сферы в финансовую), политической (выборы как шоу, президенты как «манекены власти» и «менеджеры транснациональных корпораций» [3]), т.е. всеми теми явлениями, которые и вызывают негативную антипостмодернистскую реакцию, может проявиться и проявляется уже, где угодно: в Японии, Китае, России, Украине, арабском мире, и т.д. Европейский вариант постмодерна, так подробно описанный французскими философами-постмодернистами (Ж. Лиотар, Ж. Делёз, Ж. Деррида, Ж. Бодрийяр), американский вариант постмодерна, который Жан Бодрийяр колоритно окрестил «дайджестом» европейского, «диснейлендовской реальностью» [9, с. 9], японский постмодерн в стиле анимэ, китайское явно постмодерновое общество с фрагментарным наложением стилизованной марксистской идеологии на глубинную конфуцианскую ментальность и современные интернет-технологии – это не одно и то же, но все же это разные ветвления общества постмодерна, в отношении которых бессмысленно утверждать, какое из них «более постмодерновое». В какой-то момент некоторый «отросток» мира-ризома может доминировать, претендуя на стержневую роль; но это временно, ведь полноценная структуризация горизонтальной системы ризома привела бы к ее трансформации, словами Делёза, в «древовидную», иерархическую. Общество постмодерна в этом случае вышло бы наконец из междувременья, определив себя содержательно, а не апофатически; однако тогда завершился бы постмодерн. Сегодня же мы продолжаем являться свидетелями растекающейся по миру постмодернистской реальности. Например, как ИГ – то ли террористическая организация, то ли альтернативное государство, то ли антиамериканское, то ли созданное под эгидой США, то ли реально убивает на камеру представителей заявленных символических противников, то ли демонстрирует красочное шоу в стиле голливудского «ужасстика» – классический пример постмодерна с арабским штрих-ко-

дом. Подобные и многие другие примеры свидетельствуют, что окончание нынешнего переходного периода, наступление постпостреальности вряд ли возможны в ближайшем будущем, даже несмотря на ускорение исторического развития. Скорее, следует констатировать, что человечество вступило в «развитой», зрелый постмодерн.

В связи с этим встает вопрос о постмодернистской реальности в России и ее проявлениях. Прежде всего, обратим внимание на упреки ее геополитических соперников: российские власти и массмедиа сегодня обвиняются в переформатировании и симуляции истории, эффективном маркетинге и мерчандайзинге вбрасываемых идей, создании альтернативных образов реальности, участии в информационных и так называемых «гибридных» войнах. То есть всё том, что философ Ж. Бодрийяр, социолог З. Бауман [10] и их единомышленники еще лет пятнадцать назад объявили признаками постмодерна, обнаружив эти явления в западном мире. «Ризома растет из середины», – любил повторять Ж. Делёз; это делает постмодернистское инфицирование современного человечества особенно непредсказуемым и эпидемиологическим, так как невозможно предсказать, где и в чем проявится постмодернистская реальность завтра.

К сожалению, некоторые отечественные исследователи еще высказывают сомнения по поводу адекватности определения «постмодерновый мир» в отношении российского общества [4], выстраивая даже проекты «недопущения» скатывания России в постмодерн (активизировавшиеся в последнее время в связи с геополитическим противостоянием с США, которые ассоциируются ныне с доминирующим «проектом постмодерна»). Фактически это мышление в категориях формационной концепции истории, «рецидивы модернистской ментальности» [3]. Сегодняшние геополитические успехи России и уже обозначенная выше паника в западных СМИ, вызванная осознанием неожиданной конкурентоспособности российских массмедиа в осуществлении постмодернистских практик, заставляют сделать вывод об адекватности российской политики существующему моменту, т.е. о ее постмодернистском, по сути, характере.

Подчеркнем, что успешной российская внешняя политика может быть признана именно с позиций постмодерна, а не старых модернистских методик с их однозначными определениями и четкой иерархией «победителей» и «побежденных». «Текучее» распространение российского влияния в ответ на «таран» Рах Americana; гибкая фрагментация внешних взаимодействий, позволяющая в отдельных областях строить отношения с теми же США как «партнерами»; диверсификация политических и экономических интересов; семантическая размытость и неоднозначность политических формулировок и заявлений, побуждающая политиков, публицистов, рядовых граждан непрерывно их интерпретировать; политическое имиджмейкерство, производящее популистские имиджи-образы политиков; «регионально-сетевой (матричный)» тип политических организаций [3]; завязанность их деятельности не на про-

граммы, а на культивируемый образ-симулякр лидера; привлечение мифологически фрагментированного «исторического опыта» (ремейки истории) для объяснения происходящего обывателям; участие в войнах нового типа, которые «то ли есть, то ли нет», и суть которых (в отличие от прежних межгосударственных модернистских конфликтов) не в том, чтобы выиграть, победив соперника, а в том, чтобы его переформатировать; условность и обратимость соперников (не вполне ясно, кто с кем воюет), в результате чего противостояния часто приобретают вид символической «игры на публику» – эти и многие другие атрибуты постмодернистской реальности не должны оставлять сомнений.

Притом, и здесь следует согласиться с аналитиками-экономистами [4], традиционно ресурсная российская экономика и некоторые иные исторические реалии вряд ли позволят осуществить постмодернистско-постиндустриальный проект в том варианте, в котором он был осуществлен в США или в Европе, а низкая удельная плотность населения – постиндустриальный китайский или японский экономические проекты. Более того, сырьевая база экономики, огромные территории и практически неисчерпаемые ресурсы, неизбежный акцент на экстенсивность развития – все эти «минусы» и «плюсы» российской экономической действительности обеспечивают продление индустриальной фазы сколь угодно долго, может быть, вообще не вступая в полной мере в область «классического постиндустриализма». То есть на индустриальную, по сути, российскую экономику накладывается явно постмодернистская политика.

Что касается двух других ключевых сфер общества, выделенных в свое время Т. Парсонсом (социальной в узком смысле и духовной), то здесь наблюдается парадоксальное смешение как модернистских, так и постмодернистских черт. Тем не менее акцент на традиционную семью, продолжающаяся активная фаза урбанизации, концентрирование населения в крупных городах, социально-политическая активность населения позволяют предположить тяготение социальной сферы к модернистскому варианту общества. Такие признаки социальной структуры постмодерна, как клановость на основе характеристик «свой–чужой» [10; 11], «вьетнамизация территории», под которой понимается прогрессирующее образование частных военных образований, призванных защищать интересы «новых феодалов» – ключевых акционеров ТНК [11], также пока не явственны; напротив, продолжает влиять импульс мобильности, полученный российским обществом во времена перестройки, но и усиливается административная роль государственных структур, стремящихся как раз ограничить «неофеодальную» вольницу, стихийно сформировавшуюся в «лихие 90-е». В то же время растет число офисных работников, особенно в крупных городах, в которых наблюдается также постепенное перетекание населения из центра на окраины, что характерно для постмодернового общества. Тем не менее «смерть рабочего класса» в обозримом будущем российскому обществу не грозит в силу его ресурсной экономики. Таким образом, в социальной сфере сложился дис-

сонанс: в крупных городах, особенно в столице, преобладают признаки постмодернити; в большей же части российского общества всё еще актуальна модернистская модель.

Куда более интенсивно вовлечена в пространство постмодерна сфера культуры и прежде всего образование, особенно после реформы высшего образования, взявшей за образец западную бакалаврскую модель. Символизация дипломов, не эквивалентных знаниям, «циркулирующих, подобно плавающим курсам валют» [9, с. 89], акцент на широту, а не глубину информации, тестирование, а не устный опрос – оттенки постмодернистской реальности в российском образовании. Это вполне объяснимо: общество, назвавшее себя информационным, акцентировало значение сферы производства и распространения информации. Информационные средства были объявлены «четвертой» и «пятой» властью. Отсюда сфера культуры неизбежно оказалась завязана на политике, а борьба за власть включила борьбу за контроль над СМИ. Образование же в связи с этим стало инструментом манипуляции влиятельных политических сил общественным мнением в наиболее подвижной и перспективной молодежной среде. Таким образом, и СМИ, и образование сегодня четко завязаны на власть; наблюдается также стремление власти манипулировать религиозными движениями и организациями.

Однако, учитывая диссонанс между постмодернистской по сути политической практикой и преимущественно индустриальной экономикой, в российской образовательной сфере сложилась проблемная ситуация: характерная для постмодернистского образования тенденция на выпуск не столько знающего человека, сколько мыслящего в категориях актуальной, т.е. постмодернистской реальности, и, тем самым, лояльного к власти, вступила в противоречие с производственной необходимостью. Заточенная на тяжелую промышленность российская экономика все еще нуждается в профессионалах – инженерах, а не менеджерах; ликвидация же начального профессионального образования и серьезное ограничение выпуска специалистов обеспечили нехватку эффективных инженерных кадров и просто рабочих рук. С реформистскими казусами теперь пытаются справиться усилением контроля над образовательными учреждениями, что фактически противоречит самой идее взятого за образец широкого, «мировоззренческого» образования современного западного типа, целью которого является производство «свободной креативной личности», а не профессионала в какой-то конкретной области. Таким образом, в современной российской системе образования наличествуют одновременно две тенденции: установка на постмодернистское гуманитарное образование «вширь» и сохранение ростков традиционного со времен Петра I специального образования «вглубь». Это выливается в перманентно провозглашаемую борьбу административных ресурсов «за качество образования» без какого-либо очевидного результата – в силу неопределенности и размытости самого концепта «качественного образования».

Исходя из сказанного, можно сделать вывод, что в современном российском обществе наблюдается смешение признаков, характерных как для общества модерна, так и для общества постмодерна, причем спектр смешения различен: от модернистской индустриальной экономики, преимущественно модернистской социальной сферы, духовной сферы с тяготением к постмодернизму и явно постмодернистской политики. Тем не менее заявлять на этом основании, что в текущий исторический момент Россия на перепутье, на заре «постмодерна», не совсем верно, ведь само общество постмодерна трактуется его идеологами как фрагментированная, эклектическая реальность, включающая осколки самых разных социальных структур, вкладывающихся в общую «картину», как пазлы [9, с. 53, 87]. Более того, как такового, «чистого» постмодерна нет даже на Западе; так, политолог В. Видеман правомерно трактует активное «педалирование» Белым Домом проекта новой американской империи как «глобальный апофеоз социально-политического модернизма» [3]. А на «родине» постмодерна, в Западной Европе, все еще «сильна идеологически классовая модернистская политическая культура» масс [3], вступающая ныне в диссонанс с постмодернистской политической практикой элит. Отсюда правомерно утверждать лишь особенность российского постмодерна, для которого характерны более определенные границы между слоями и фрагментами реальности, чем, скажем, в западном варианте постмодерна с акцентом на прозрачность и преодолимость границ, что, в свою очередь, является отражением евразийской сущности российского общества и исторических реалий, в которых оно формировалось. Вероятно, с течением времени в каких-то областях постмодернистский формат будет проявляться более выражено, но вряд тот вариант постмодерна, который уже сформировался, претерпит серьезные изменения.

Литература

1. *Toynbee A. J. Study of History / A. J. Toynbee.* – Oxford University Press, Thames and Hudson Ltd. – London, 1972. – 576 p.
2. *Делёз Ж. Логика смысла / Ж. Делёз.* – М. : Раритет, 1998. – 480 с.
3. *Видеман В. Итоги выборов : победили постмодернисты / В. Видеман // Постмодерн : глобальное переформатирование.* – Режим доступа: <http://www.imperativ.net/imp12/el2003.html>
4. *Хазин М. Постмодерн : реальность или фантазия? / М. Хазин.* – Режим доступа: <http://worldcrisis.ru/crisis/170860>
5. *Adib-moghaddam A. Postmodern Islam and the Arab revolts / A. Adib-moghaddam // Open Democracy.* – Mode of access: <http://www.opendemocracy.net/arshin-adib-moghaddam/postmodern-islam-and-arab-revolts>
6. *Dirlik A. Postmodernism and China / A. Dirlik, D. Xudong.* –University press. – Durham and London., 2000. – 238 p.
7. *Чумаков А. Н. Современный мир : на пороге фундаментальных трансформаций / А. Н. Чумаков // Век глобализации.* – 2008. – № 2. – Режим доступа: <http://www.socionauki.ru/journal/articles/129863/>

8. *Deleuze G. Capitalisme et schizophrénie : Mille plateau / G. Deleuze, F. Guattari. – Editions de minuit, 1972. – 1138 p.*

9. *Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / Ж. Бодрийяр. – Режим доступа: <http://exsistencia.livejournal.com>*

10. *Бауман З. Индивидуализированное общество / З. Бауман. – М., 2005. – 390 с.*

11. *Эко У. Средние века уже начались / У. Эко // Иностранная литература. – 1994. – № 4. – С. 258–267.*

Московский государственный педагогический университет

Пилюгина Е. В., кандидат философских наук, докторант кафедры философии, директор Территориального центра Российского нового университета

E-mail: elenavpilugina@yandex.ru

Tel.: 8-910-276-80-37

Moscow State Pedagogical University

Pilugina E. V., Candidate of Philosophical Sciences, Doctoral Candidate of the Philosophy Department, Director of Territorial Center of the Russian New University

E-mail: elenavpilugina@yandex.ru

Tel.: 8-910-276-80-37